F 80
64

Г. 30
64

ВОСПОМИНАНІЕ.

Изъ записокъ издателя русскаго чтенія

Сергѣя Глинки.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.
1846.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

С. - Петербургъ. 26 Сентября 1846 года.

Цензоръ А. Никитенко.

2007111481

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

На страницѣ 17 стихи Державина на кончину Графа Ѳедора Григорьевича Орлова, ошибкою примѣнены къ Графу Алексѣю Григорьевичу; но изъ этой ошибки видно, что современные поэты относили вполнѣ славу Чесменскаго боя къ двумъ братьямъ. Петровъ, Херасковъ и Державинъ къ лаврамъ ихъ присоединяли пальмы своей поэзіи; но остались записки значущаго человѣка, бывшаго подъ Чесмою, въ которыхъ сказано, будто бы Князь Козловскій былъ забытъ другомъ своимъ на загорѣвшемся кораблѣ. Вотъ почему напечаталъ я отдѣльно подлинный разсказъ объ этомъ Хераскова. Но важнѣе всего то, что упомянуто въ Живописцѣ Н. И. Новикова вообще о Графахъ Орловыхъ. Онъ съ душевнымъ чувствомъ говоритъ о человѣколюбивомъ ихъ вниманіи къ труду и состоянію ихъ поселянъ. Честь тому, кто извѣщаетъ о такой доблести; и слава тѣмъ, кто охраняетъ человѣчество.

ВОСПОМИНАНІЕ.

ГРАФЫ ОРЛОВЫ, ЛОМОНОСОВЪ, ХЕРАСКОВЪ и ДЕРЖАВИНЪ.

(*Изъ моихъ записокъ*).

Добро не умираетъ.

ДЕРЖАВИНЪ.

Человѣкъ у развалинъ жизни своей въ очахъ современниковъ гаснетъ, какъ потухающій септильникъ.

Такъ, на раннемъ западѣ дней своихъ, угасалъ тотъ Ломоносовъ, который вышедъ изъ-подъ крова рыбачьей хижины, удивилъ и отечество наше и Европу быстрымъ развитіемъ ума на всѣхъ путяхъ познаній человѣческихъ и показалъ, что никакая страна и никакая суровость природы, не могутъ уничтожить силы духа творческаго. — Онъ угасалъ; но если не исчезли въ немъ послѣднія искры жизни до 1764 года, тѣмъ обязанъ онъ былъ вни-

манію человѣка; который послѣ И. И. Шувалова, былъ ревностнѣйшимъ цѣнителемъ его генія; этотъ человѣкъ былъ, Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ.

Вотъ какъ я объ этомъ узналъ. Въ Ноябрѣ 1806 года, отпечатавъ мою трагедію *Сумбеку* или паденіе Казани, посвященную творцу *Россіяды* М. М. Хераскову, явился я къ нему съ моимъ сочиненіемъ. И онъ уже былъ на исходѣ дней своихъ; но прочитавъ мое посвященіе, сказалъ съ живымъ чувствомъ: «Вы изъ одного человѣколюбія вспомнили обо мнѣ и посвятили мнѣ свой трудъ. Мнѣ не долго жить; и вмѣстѣ со мною часъ отъ часу болѣе отживаютъ поэмы мои и Россіяда и Владиміръ, и все, чему посвящалъ я сперва мою жизнь.» До глубокаго вечера пробылъ я у творца Россіяды, которому казалось, что онъ переживаетъ и себя, и труды свои; но Ломоносовъ и поэзія его, юношескимъ жаромъ воспламеняли его память; съ сильнымъ выраженіемъ читалъ онъ мнѣ наизусть различныя строфы изъ одъ его. «Чувствительное сердце, сказалъ одинъ изъ новыхъ нашихъ писателей, не ужывается со славою (*)» Это правда.—Слава о нашихъ произведеніяхъ также озабочиваетъ насъ какъ и всѣ другія славы. Но слушая собственную свою поэзію, Херасковъ какъ будто

(*) См очеркъ жизни В. А. Озерова, изданный Княземъ П. А. Вяземскимъ.

обращался къ тѣмъ счастливымъ днямъ, когда и слава современная и слава потомственная, въ такомъ очаровательномъ видѣ представляются поэту. «Я вижу, сказалъ мнѣ растроганный старецъ, я вижу, что вы все еще любите и лиру Ломоносова и мою славу и поэзію; а потому за сердечный вашъ подарокъ, я покажу вамъ послѣднее письмо Холмогорскаго нашего поэта, полученное мною въ Январѣ 1764 года. Это было давно; но для меня Ломоносовъ не умиралъ.»

Съ величайшимъ любопытствомъ и нѣсколько разъ перечиталъ я письмо Ломоносова. — Переписать не успѣлъ. Дѣло шло тогда о новой судьбѣ нашего отечества. На ряду съ другими и я спѣшилъ подъ хоругви земской службы и простясь съ М. М. Херасковымъ, долженъ былъ отправиться куда слѣдовало. Я забылъ всѣ мои драмы; но все то, что относится къ животворнымъ пользамъ человѣчества, и теперь еще твердо хранится въ моей памяти. Не могу слово отъ слова предложить выраженія Ломоносова, но вотъ содержаніе его письма:

«Вы благодарите меня за сообщеніе вамъ послѣдней моей оды, писалъ онъ къ Хераскову, но прибавляете, что вы не могли удержаться отъ слезъ, читая въ ней о томъ, что жестокій недугъ гонитъ меня въ могилу. Успокойтесь, я какъ будто снова ожилъ. За два дня до новаго года Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ, самъ вызвался представить оду мою Императрицѣ; а 8-го Января, удостоивъ меня

своимъ посѣщеніемъ, вручилъ мнѣ драгоцѣнные часы, и сказалъ: «Государыня съ удовольствіемъ приняла вашу оду; и въ знакъ того, что она дорожитъ каждымъ вашимъ часомъ для пользы наукъ и Русскаго слова, поручила мнѣ вручить вамъ часы.» Вскорѣ потомъ сама Екатерина вмѣстѣ съ Княгинею Дашковою, внезапно посѣтила меня. Съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ сказала она, что читала въ стихахъ моихъ о печальномъ расположеніи моего духа, и чтобы разсѣять мое уныніе, приглашаетъ меня на другой день на обѣдъ (*). Не знаю подлинно, по извѣщенію ли Графа Григорія Григорьевича это случилось, но на другой день онъ за мною заѣхалъ, и я съ нимъ отправился во дворецъ. Изъ ласковыхъ и привѣтливыхъ его словъ, могъ заключить, что ему обязанъ былъ посѣщеніемъ Государыни. Не знаю, чему болѣе удивляться, вниманію ли его ко мнѣ, или скромности его? За обѣдомъ Императрица сказала мнѣ: «Я препоручила *Козицкому* показать вамъ переведенныя имъ статьи изъ моего Наказа. Какъ показался вамъ переводъ его?» Нельзя лучше, отвѣчалъ я—«все предложено чистымъ и яснымъ Русскимъ слогомъ.» — «Но возразила Екатерина, Я стыжусь, что писала наказъ по французски. Я воспитывалась за границей, и теперь по вашимъ правиламъ,

(*) См. въ моемъ Русскомъ чтеніи: Духъ вѣка Екатерины II.

учусь по Русски. Германія — моя родина; Россія — мое отечество. Живу и умру съ любовью къ нему (*).»—Законодатели не умираютъ, отвѣчалъ я. «Дай Богъ сдѣлать что нибудь для современниковъ, сказала Екатерина. Но прибавила Она съ улыбкою, если вы въ исторіи вашей остановитесь на Князѣ *Владиміръ*; то Я перегоню васъ. Я дала предписаніе вытребовать изъ монастырей и изъ архивовъ все то, что относится къ отечественной Исторіи.» И она,—воскликнулъ я, будетъ вступленіемъ къ собственной Вашей безсмертной Исторіи! «Много еще было говорено о нашемъ Русскомъ словѣ, и все то Государыня милостиво относила ко мнѣ. Послѣ обѣда Графъ проводилъ меня домой, пробылъ у меня около получаса и пожелавъ мнѣ окончить всѣ мои труды, уѣхалъ. Этотъ день былъ лучшимъ днемъ моей жизни. По отъѣздѣ Графа, въ восторгѣ душевномъ написалъ я къ нему посланіе, напечатанное въ особыхъ листкахъ и препровождаю къ вамъ.»

Вотъ первые стихи посланія:

«Ревнитель общихъ пользъ, отечества любитель;
Заслугъ и правоты усерднѣйшій цѣнитель.»

Тутъ я сказалъ: въ стѣнахъ еще Кадетскаго Корпуса узналъ я въ различныхъ извѣстіяхъ

(*) И это также помѣщено въ Русскомъ чтеніи.

и въ первомъ изданіи *Живописца* Н. И Новикова о великодушномъ самоотверженіи Графа Григорія Григорьевича, въ то злополучное время, когда Москва была поражена и моровымъ повѣтріемъ и волненіемъ народа. Послѣ плачевной кончины Преосвященнаго Амвросія, онъ самъ вызвался ѣхать въ Москву, гдѣ смерть похищала каждый день новыя жертвы. Онъ не щадилъ себя для спасенія другихъ, и увѣнчался пальмами народной и общей любви, онъ кажется и теперь еще живъ. Братъ его Графъ Алексѣй Григорьевичъ, съ такимъ же порывомъ самоотверженія, по первому вызову отечества поспѣшилъ въ областные начальники Курска и Орла подъ священныя хоругви новыхъ земскихъ войскъ. Въ необычайныя живемъ мы времена! Могъ ли онъ подумать 1770 года, когда въ виду древней Греціи и Азіи, поразилъ и истребилъ флотъ Оттоманскій, что 1806 года, ему доведется быть въ числѣ сподвижниковъ въ Россіи за Россію, гдѣ 600 тысячъ земледѣльцевъ, съ быстротою молніи, отъ сохи перешли къ оружію, и еще другъ передъ другомъ стремились жертвовать и собою и имуществомъ, это новая поэма, новая Россіяда.»

Херасковъ отвѣчалъ: это не Россіяда; это новая Всемірная Исторія. Моя Россіяда смолкла.

Я возразилъ: «Ваша отечественная поэзія и теперь еще гремитъ. Она въ полной жизни проявилась въ новомъ подвигѣ Чесменскаго героя. Я и теперь еще вижу то мгновеніе,

которое вы такъ разительно изобразили, когда вмѣстѣ съ Турецкимъ кораблемъ, съ трескомъ и съ пламенемъ, взлетѣлъ на воздухъ тотъ корабль, гдѣ былъ Графъ Оедоръ Григорьевичъ. И теперь еще слышу восклицаніе брата его: Братъ, милый братъ! онъ погибъ! Вижу и тотъ мигъ когда къ кораблю приплылъ на шлюпкѣ другой братъ его. Въ правой рукѣ держалъ онъ еще шпагу, готовую разить враговъ. Въ восторгѣ душевномъ, братья устремились въ объятія другъ друга и вмѣстѣ съ ними всѣ зрители этого свиданія съ радостными слезами благодарили Небо, въ этомъ чудесномъ спасеніи, предвѣщавшее торжество побѣды. Но тутъ же слышу и горестные ваши стоны. Слышу, съ какою душевною скорбію оплакиваете вы погибель друга вашего и юнаго поэта, Князя Козловскаго (*).

И я все это прочиталъ наизусть.

Херасковъ подалъ мнѣ руку и сказалъ: «У васъ счастливая память»

Я отвѣчалъ: «это душевное воспоминаніе о событіяхъ увѣковѣченныхъ вашею поэзіею. Я зналъ Князя Козловскаго по нѣкоторымъ только его стихамъ. Но вы были его другомъ, и я желалъ бы услышать о подробностяхъ его жизни»

Вы, сказалъ Херасковъ, увидите прекрасную его душу изъ письма, которое получилъ

(*) См. поэму Хераскова: Чесменскій бой.

я отъ него изъ *Фернея*, передъ отправленіемъ его на флотъ Графа Алексѣя Григорьевича. Горестно переживать себя; но еще горестнѣе переживать друзей своихъ.»

Тутъ онъ выдвинулъ одинъ ящикъ изъ письменнаго своего столика и подавая мнѣ письмо Князя Козловскаго, прибавилъ: «вы такъ явственно читали мои стихи, прочтите мнѣ вслухъ и это письмо. Вы убѣдитесь, что и самая скорбь моя не могла выразить въ моей поэзіи того, чѣмъ пламенѣла восторженная душа моего друга.»

Вотъ сущность этого письма:

«Прочитай отвѣтъ Вольтера нашему Сумарокову на письмо его, и доставь ему какъ можно скорѣе. Ты знаешь его пылкую нетерпѣливость. За минуту промедленія, онъ грянетъ на меня сатирою (*). Это шутка, но вотъ въ чемъ дѣло. Исполнивъ препорученіе Императрицы, я готовился возвратиться въ Россію; но за три дня до моего отъѣзда, получилъ письмо отъ друга моего Графа Оедора Григорьевича. Онъ извѣщалъ меня, что Графъ

(*) Вольтерово письмо помѣщено въ сочиненіяхъ Сумарокова, изданныхъ Н. И. Новиковымъ. Въ немъ сказано между прочимъ, что по глубокому своему знанію Французскаго языка, Князь Козловскій могъ бы засѣдать во Французской Академіи. Въ письмѣ къ Хераскову, Князь все говоренное Вольтеромъ, означилъ по Французски, а я предложилъ только смыслъ.

Алексѣй Григорьевичъ непремѣнно желаетъ, чтобы я участвовалъ въ морской экспедиціи, назначенной для дѣйствій въ Архипелагъ. Ты знаешь страсть мою къ древней Греціи; ты помнишь, съ какимъ восторгомъ перечитывали мы лѣтописи ея славы, и какъ часто переносились подъ тотъ счастливый небосклонъ, гдѣ гремѣли лиры Гомера, Пиндара, гдѣ муза трагическая увѣковѣчила имена Эврипида, Эсхила и Софокла, гдѣ на площади Аѳинской съ такою силою раздавались голоса Перикла и Демосоена, и гдѣ жилъ Сократъ, испившій роковую чашу за святое дѣло истины. И такъ ты увѣренъ, что мысль моя заранѣе уже была въ этой очаровательной странѣ. Въ радостномъ движеніи моего сердца, я сказалъ Вольтеру, что изъ его замка отправляюсь не въ Россію, но въ общее отечество искусствъ и наукъ—къ берегамъ Эллады, куда вскорѣ плыветъ нашъ флотъ, для возвращенія этой странѣ того, чѣмъ она надѣлила просвѣщенный Европейскій міръ. Въ душевномъ порывѣ Вольтеръ вскочилъ съ огромныхъ креселъ своихъ и вскричалъ: «Въ лицѣ вашемъ привѣтствую славу вашего отечества. Вы Русскіе, во всемъ счастливѣе насъ *Вельховъ* (*). Завидую вамъ. Недавно писалъ я великой вашей Императрицѣ, что еслибъ Богъ не ослабилъ и зрѣнія и слуха моего, я полетѣлъ бы на берега

(*) Это насмѣшливое названіе, Вольтеръ часто приписывалъ Французамъ.

Невы, чтобы видѣть чудеса Ея царствованія. И теперь бы желалъ быть сопутникомъ въ великомъ вашемъ подвигѣ за Грецію, увѣковѣченную тѣми великими геніями, передъ которыми мы все еще школьные ученики. Много еще говорилъ онъ подобнаго. Я въ эту минуту хотѣлъ съ нимъ проститься, но онъ мнѣ сказалъ: «я съ часу на часъ ожидаю изъ Парижа Лагарпа. Онъ будетъ у меня играть Танкреда.» Лагарпъ въ самомъ дѣлѣ скоро прибылъ. Трагедія была играна превосходно и я изъявилъ мое удовольствіе Вольтеру. Онъ отвѣчалъ. «все наше хваленое драматическое искусство — одинъ призракъ передъ величественными представленіями Греческихъ трагиковъ. Въ Аѳинахъ театръ былъ цѣлымъ отечествомъ, а весь народъ — зрителемъ. А у насъ въ Парижѣ, и мелкая наша *сцена*, затѣснялась толпою зрителей, и недавно только очистилась отъ этого нашествія, которое уничтожало всю мечту драматическую, и едва не погубило мою *Семирамиду*. Вы и въ этомъ счастливѣе насъ. У васъ при самомъ началѣ театръ былъ освобожденъ отъ этой несносной давки. Вы во всемъ превзойдете насъ и теперь подаете примѣръ цѣлому свѣту въ уваженіи вашемъ къ безсмертнымъ произведеніямъ ума человѣческаго. *Монтескье* увѣрялъ, что будто бы геній жителей зависитъ единственно отъ климата. Я опровергалъ это нелѣпое мнѣніе. Когда въ Греціи не стало прежней Греціи, то же очаровательное солнце свѣтило надъ

нею, но всѣ блестящія дарованія пали въ вѣковыя потемки. Ступайте и разлейте тамъ лучи новаго просвѣщенія!» Нечего тебѣ и говорить, любезный Херасковъ, что все это одинъ только слабый отголосокъ того краснорѣчія, съ какимъ объяснялся Фернейскій поэтъ и Философъ. Завтра, т. е. 10-го Февраля, отправляюсь въ Ливорно, куда скоро съ Спиридовымъ прибудутъ корабли отъ береговъ Англіи. Я уже вижу тѣ мѣста, гдѣ покоится прахъ Мильтіадовъ, Осмистокловъ, и гдѣ Леонидъ съ трехсотенною дружиною своею, палъ въ ущеліяхъ Ѳермопильскихъ, сопротивляясь ополченію цѣлой Азіи. Я въ нѣкоторомъ смыслѣ согласенъ съ Вольтеромъ, что намъ Русскимъ, можно позавидовать въ нашемъ предпріятіи. Въ героическія времена Греціи, вмѣстѣ съ знаменитыми *Аргонавтами* спѣшили на трудный подвигъ два брата *Кастоpъ* и *Поллуксъ*, одаренные и силою душевною и тѣлесною, но они плыли въ Колхиду за какимъ-то золотымъ руномъ. Все это едвали не вымыслъ миѳологическій. А въ наше время и на нашихъ корабляхъ, два родные брата въ виду трехъ частей свѣта являютъ и примѣръ союза родственнаго и дружбы. Отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, душа моя соединена была съ душею Графа Ѳедора Григорьевича и судьба приводитъ меня дѣлить съ нимъ и славу и опасности. Это верхъ моего блаженства! Какое-то непонятное для меня самаго предчувствіе, какъ будто говоритъ мнѣ, что я не-

увижусь ни съ отечествомъ, ни съ тобою. Но это не волненіе боязни. Ты часто, любезный другъ, упрекалъ меня въ какомъ-то уныніи и ты былъ правъ. Мы сами иногда не знаемъ, чего ищемъ и зачѣмъ гоняемся. Но если мнѣ и назначено пасть въ нашемъ подвигѣ, я съ радостью умру въ славномъ нашемъ дѣлѣ и съ неизмѣнною памятью о тебѣ.

«Много пролилъ слезъ, сказалъ Херасковъ, Графъ Оедоръ Григорьевичъ, когда по возвращеніи изъ Морен, онъ перечитывалъ со мною письмо своего друга. Плакалъ и я съ нимъ. Князь Козловскій былъ на другомъ краю корабля, и суетился около раненаго матроса въ тотъ самый мигъ, когда горящая мачта съ Турецкаго корабля летѣла на насъ. «Я кричалъ, говорилъ Графъ,—я звалъ его, но уже было поздно. Спиридовъ силою увлекъ меня на шлюбку. Ужасно было мое положеніе! На одномъ кораблѣ былъ мой братъ, на другомъ—общій нашъ другъ. Сбылось его предчувствіе! Онъ умеръ и какъ сынъ отечества и какъ другъ людей. Не могу жаловаться ни на мою судьбу, ни на мое состояніе. Но потеря душевнаго друга невозвратна, его не купишь ни за какія сокровища.»

«Такъ говорилъ Графъ Оедоръ Григорьевичъ, и я повторю слова мои: грустно переживать себя, а еще грустнѣе, переживать друзей. Но у писателей есть своя отрада, свой отдыхъ ума, это переходъ отъ одного занятія къ другому. Видя, что мой *Россіяда* и *Влади-*

міръ и всѣ мои отечественныя произведенія часъ отъ часу болѣе упадаютъ, я обратилъ мысль на общую судьбу человѣчества, и издалъ Кадма и Гармонію и Полидора. Увѣряли, что въ этомъ я подражаю Фенелону. Но многіе ли теперь помнятъ Фенелона. Я привыкъ писать. Нѣкогда у меня въ *Очаковѣ* (*) были съѣзды, балы и театры; но шумъ наскучилъ мнѣ. Привычку мою къ сочиненіямъ, называютъ какою-то болѣзнію; но развѣ привычка кружиться въ вихрѣ разсѣянія, здоровье? Какъ бы то ни было, а послѣ Кадма и Полидора, я предался мечтамъ моего воображенія и издалъ *Бахаріяну* и *Пилигримы*. Заглядывали ли вы въ эти послѣднія мои стихотворенія? Я отвѣчалъ: «не только заглядывалъ, но и перечитывалъ ихъ. «Вы не упомянули о вашемъ *Нумѣ*, или цвѣтущемъ Римѣ, а мнѣ еще въ Кадетскомъ Корпусѣ давалъ читать его наставникъ мой, Я. Б. Княжнинъ, и поручилъ сдѣлать краткую выписку.» «Княжнинъ былъ умный писатель, отвѣчалъ Херасковъ, и корпусный ученикъ его *Озеровъ* возобновляетъ его память. И я провелъ въ Корпусѣ юность мою, и тамъ остались и мои мечты и мечты Сумарокова. Онъ предполагалъ, что всегда будетъ законодателемъ нашего театра, а его трагедіи, какъ будто и не бывали; но то было очаровательное для

(*) Подмосковная Хераскова.

насъ время! У насъ было свое общество *любителей Словесности.* Къ намъ приходилъ и Суворовъ. Онъ читалъ намъ два свои разговора. Первый, Кортеца съ Монтезумою, въ которомъ доказывалъ, что великодушіе сильнѣе оружія побѣждаетъ народы и привлекаетъ сердца. Второй: разговоръ Александра съ Геростратомъ. Въ немъ Суворовъ доказывастъ, что громкая слава современная, сама собою исчезаетъ. Оба разговора были напечатаны въ тогдашнихъ Академическихъ ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ подъ буквами А. и С.; а Н. И. Новиковъ ошибкою помѣстилъ ихъ въ сочиненія Сумарокова. Но я обращаюсь къ моимъ Пилигримамъ. Вы видѣли въ нихъ, какъ завидую я жребію земледѣльца, который съ спокойною совѣстью и благословляя небо, трудится для своего семейства и для пользы человѣчества (*). Если же во время моего начальства на учебномъ поприщѣ, я могъ подкрѣпить кого нибудь своею помощію, то было для меня лучшею наградою.

«Вы вашею Россіядою теперь еще подкрѣпляете меня!» Не знаю, возразилъ Херасковъ, какимъ это образомъ.» «Я заимствовалъ изъ нее мою трагедію Сумбеку и долженъ за нее отъ Петербургскаго театра получить полторы тысячи рублей. Вотъ и свидѣтельство объ этомъ.» Тутъ вынувъ изъ кармана записку,

---

(*) Объ этомъ было упомянуто въ Русскомъ Вѣстникѣ 1808 г.

показалъ ее Хераскову и прибавилъ: Это свидѣтельство доказываетъ, что ваше перо доставляетъ мнѣ способъ вступить въ новую отечественную службу. Я живу одними моими трудами; и такъ, если буду чѣмъ нибудь полезенъ, тѣмъ буду вамъ обязанъ.

Услышавъ, что я ѣду сперва въ Петербургъ, Херасковъ далъ мнѣ письмо къ другу своему М. Н. Муравьеву и примолвилъ: «скажите ему, что еслибъ мнѣ вздумалось писать мою жизнь, то въ надпись къ ней примѣнилъ бы я мои стихи:

«Наука первая, непостижима въ вѣкъ,
«Для человѣка есть — наука человѣкъ.

Земская моя служба познакомила меня съ духомъ Русскаго народа и внушила мнѣ мысль издавать *Русскій Вѣстникъ* 1808 года, по заключеніи Тильзитскаго мира. Вскорѣ потомъ умеръ Херасковъ и почти вслѣдъ за нимъ сошелъ въ могилу и герой Чесменскаго боя. Унылые звуки лиры Державина раздались надъ гробомъ Графа Алексѣя Григорьевича.

«Что слышу я? Орелъ изъ стаи той высокой,
Котора въ воздухѣ плыла
Впереди Минервы свѣтлоокой,
Когда она съ Олимпа шла;
Орелъ, который надъ Чесмою
Предъ флотомъ Россіянъ леталъ,
Внезапно роковой стрѣлою

Сраженный, съ высоты упалъ!»
«Увы, гдѣ, гдѣ его подъ солнцемъ днесь паренье?
Гдѣ по моримъ его слѣды?
Гдѣ бурно громовъ устремленье
И пламенны межь тучь бразды?
Гдѣ быстрыя всезрящи очи
И грудь, отважности полна?
Все, все сокрылъ мракъ вѣчной ночи,
Осталась слава лишь одна!»

Не все сокрылось во мракѣ ночи. Добро не умираетъ; громъ оружія исчезаетъ со временемъ, а доблести душевныя, переживаютъ и великолѣпные памятники и полетъ столѣтій. Громокъ былъ Чесменскій герой военною своею славою, но и мирныя пальмы вполнѣ ему принадлежали. Частнымъ человѣкомъ и домовитымъ хозяиномъ, жилъ онъ въ Москвѣ, не для себя, но для всѣхъ. Двери скромнаго его дома и сердце, готовое всегда подать руку помощи страдальцамъ, зазывали къ себѣ гостей изъ всѣхъ сословій Московскихъ жителей. Большой свѣтъ у него веселился; бѣдные находили отраду, а народъ восхищался его радушіемъ. При совершеніи отпѣванія, заслуженный отставной солдатъ, жившій въ его домѣ, какъ въ собственномъ своемъ пріютѣ, подошедъ къ гробу его для послѣдняго цѣлованія, воскликнулъ: «Прощай батюшка Графъ! Прощай мой отецъ!» И тутъ же упалъ бездыханнымъ и пошелъ вслѣдъ за тѣмъ, кого не могъ пережить. Я тогда же напечаталъ объ этомъ въ Русскомъ Вѣстникѣ.

Здѣсь могъ бы я прибавить, что въ половинѣ 1811 года, до нашего великаго 1812 года, въ память Графа Алексѣя Григорьевича, угощали въ Москвѣ, заслуженныхъ отставныхъ нашихъ солдатъ. Но этотъ случай облеченъ былъ тайною. Уважаю скромность, молчу и обращаюсь къ Ломоносову.

Ужасное представляется зрѣлище, когда ясный небосклонъ, внезапно застилается грозными тучами, оглашается раскатами громовъ и опламеняется молніями. Но какъ радуются взоры, когда снова блеснетъ лучезарное солнце и разольетъ новый свѣтъ на красоты природы. Такъ и въ пѣснопѣніи Ломоносова, послѣ разительныхъ описаній грозныхъ битвъ, радуютъ мысль мирные звуки творческой его лиры. Вотъ, что онъ желалъ Россіи и что сердце мое примѣняетъ ко всегдашней судьбѣ нашего отечества.

Да движется свѣтило стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ.
И рѣки да текутъ спокойно
Въ своихъ цвѣтущихъ берегахъ;
Вражда на вѣки истребится
И огнь, и мечь да удалится
Отъ нашихъ странъ и всякій вредъ.
Весна да разсмѣется нѣжно,
И земледѣлецъ безмятежно
Сторичный плодъ да соберет
Священны да хранятъ уставы
И правду на судѣ судьи.»

Лира его негодовала на враговъ строптивыхъ, но и о нихъ жалѣла. Онъ говоритъ:

«Гдѣ кротости жилище твердо,
Тамъ и враговъ жалка намъ смерть

А послѣ громкихъ побѣдъ, увѣнчавшихъ Русское оружіе за предѣлами отечества 1759 года, онъ возносилъ душевную молитву Богу:

«Съ верховъ цвѣтущаго Парнаса
Смотря на рвеніе сердецъ,
Мы ждемъ желаемаго гласа:
«Еще побѣда и конецъ,
Конецъ губительныя брани.»
О Боже! мира Богъ, возстани,
Всеобщу къ намъ любовь пролей.»

И мы повторимъ съ Холмогорскимъ пѣвцомъ нашимъ: Пусть всеобщая любовь владычествуетъ всегда и у насъ и вездѣ; и пусть всемірныя лѣтописи украшаются желаніемъ увѣковѣчить общее благо человѣчества.

КОНЕЦЪ.

же
домъ
подош
нія, во
Прощай м
дыханнымъ и
не могъ перед
объ этомъ въ Ру

2007111481